

Су Юй наконец понял, что беспокоило его друзей. Вероятно, они боялись, что он расстроится. Ведь он уже был известным новичком, а теперь столкнулся с таким отношением. Однако он не был настолько слаб.

— Су, не расстраивайся.

Несколько человек осторожно наблюдали за выражением лица Су Юя, по очереди утешая его. Их слова были немного шумными, но от этого еще более теплыми. Су Юй терпеливо слушал, отвечая каждому взглядом.

— Не волнуйтесь. Если бы у меня было сердце из стекла, как бы я смог продолжать работать в этой сфере? Не переживайте обо мне. Когда-нибудь я заставлю вас гордиться.

Под палящим солнцем теплая улыбка Су Юя казалась еще ярче. Лица девушек покраснели, то ли от жары, то ли от смущения.

Су Юй с улыбкой подписал автографы и сфотографировался с ними, напомнив быть осторожными, и только потом вернулся в машину.

Когда дверь открылась, мелькнувший черный силуэт стал заметен Ань Чэнь. Она с пониманием улыбнулась, прикрыв обзор остальным, и все вместе они ушли.

— Мне не нужно помогать?

Тан Шаокэ, сидя в машине, взял чистый платок и вытер пот с виска Су Юя.

— Если Янь Чэн не справится с таким пустяком, то мне стоит задуматься о смене менеджера.

Окруженный прохладой кондиционера, Су Юй немного успокоился. Расстегнув пару пуговиц, он обнажил изящные ключицы, обнял шею Тан Шаокэ и, не произнеся ни слова, прижался лицом к его плечу.

Редкое проявление эмоций со стороны Су Юя не вызвало радости у Тан Шаокэ. Он с беспокойством смотрел на молчащего Су Юя, вспоминая ту строку из фильма, которую они повторяли снова и снова.

Ту банальную строку.

«Я думал, что самое болезненное — это потерять тебя, но теперь я понимаю, что мне еще больнее видеть, как ты страдаешь».

Это был его первый фильм. Героиня была красивой, чистой, казалось, все лучшие эпитеты подходили ей, но даже в этой короткой любовной сцене он не мог справиться, находя строки слишком слащавыми, отвратительными, вызывающими мурашки.

Но теперь он понимал, что дело не в том, что он не хотел, а в том, что объект был не тот.

Он знал, что Хань Сюэянь была права. В этом мире, даже если он будет защищать Су Юя, тот не сможет избежать трудностей. Но он просто не мог вынести, чтобы Су Юй страдал.

Смотря на белоснежную кожу, выглядывающую из-под опущенной головы Су Юя, в глазах Тан Шаокэ не было и намека на страсть. Он сжал губы, обнял Су Юя и прошептал:

— А Юй, когда ты получишь награду Киноимператора, мы откроемся, хорошо?

— А если я никогда не стану Киноимператором?

— Тогда я стану им.

Почувствовав, как тело Су Юя напряглось, Тан Шаокэ улыбнулся и тихо прошептал ему на ухо:

— Так что постарайся. Я жду, когда смогу стать мужем Киноимператора.

Су Юй поднял голову. В ясных глазах Тан Шаокэ светилась улыбка, такая же чистая, как во время съемок. Легко улыбнувшись, он прикрыл глаза Тан Шаокэ прохладной ладонью и коснулся его губ своими мягкими губами.

Нежный, но немного неуклюжий поцелуй вызвал улыбку на лице Тан Шаокэ. Маленький проказник стал таким смелым?

Перевернув его, он углубил поцелуй, заставляя Су Юя задыхаться. Вдохнув, он проник языком в его рот, играя и наслаждаясь моментом.

— Ох, черт возьми, я отошел всего на минуту, и вы уже не можете дать бедному холостяку спокойно работать? Это считается производственной травмой?

Янь Чэн, сев на водительское место, неожиданно стал свидетелем этой сцены и, развернувшись, молча вздохнул.

— Я не хочу тебя обижать, А Юй, но ты действительно думаешь, что, закрыв глаза, ты можешь скрыть происходящее? Это как зарыть голову в песок!

Отодвинув зеркало заднего вида, Янь Чэн скусающе пробормотал себе под нос.

Тан Шаокэ поднял Су Юя, и внезапно появившийся свет позволил ему разглядеть его лицо. Глаза, полные нежности, соблазнительные черты лица — все это было крайне привлекательно, но он знал, что Су Юй в душе оставался консервативным человеком. Но ничего, он мог подождать.

Погладив покрасневшие губы Су Юя, Тан Шаокэ укусил его за плечо. Су Юй инстинктивно вздрогнул, и Тан Шаокэ улыбнулся, прошептав ему на ухо:

— Просто отметил свою территорию.

— Ладно, поедem домой.

Су Юй жил один, поэтому купил двухкомнатную квартиру в высотке недалеко от «Линькэцзюй». Янь Чэн, доведя их до входа, передал папку с документами:

— Фан Хао сказал, чтобы ты посмотрел и выбрал.

— Хорошо, ты не зайдешь поужинать?

Су Юй, видя, что Янь Чэн собирается уйти, спросил. Всякий раз, когда Янь Чэн приходил к нему, он всегда оставался на ужин.

Янь Чэн бросил взгляд на невозмутимого Тан Шаокэ и с раздражением ответил:

— Нет, боюсь, что, будучи третьим лишним, я не только испорчу вам настроение, но и сам умру

от зависти.

Машина умчалась прочь.

Су Юй улыбнулся, огляделся вокруг. Было еще не время возвращаться с работы, и в подъезде было мало людей. Оба переоделись в спортивную одежду, надели большие круглые очки и наклеили искусственные усы, быстро зайдя в лифт.

Войдя в квартиру, Тан Шаокэ огляделся. Квартира была небольшой, но в привычном для Су Юя стиле — каждая вещь находилась на своем месте, ни малейшего беспорядка. Голубые тона в сочетании с теплым оранжевым создавали уютную атмосферу.

Солнечный свет проникал через панорамные окна, наполняя комнату теплом, но Су Юй подошел и резко задернул шторы.

В наше время многие скандалы со звездами начинались из-за незакрытых штор. Он это хорошо знал.

— Что хочешь поесть?

Су Юй посмотрел на Тан Шаокэ, который удобно устроился на коврик в гостиной. Даже огромный Дораэмон не мог вместить его длинные ноги. Лежащий на боку Тан Шаокэ выглядел забавно.

Услышав вопрос, Тан Шаокэ быстро поднялся с коврика и последовал за Су Юем на кухню.

Свежие овощи, аккуратно разложенные по отделениям, целый ряд приправ и даже десяток ножей — все это говорило о профессионализме Су Юя. Увидев, что Су Юй снова повернулся к нему, Тан Шаокэ улыбнулся:

— Все, что ты приготовишь, будет вкусным.

— Тогда приготовлю вегетарианский ужин?

Су Юй открыл кран, помыл руки и, увидев, как лицо Тан Шаокэ помрачнело, рассмеялся.

— Если не будет мяса, то съем тебя.

Су Юй вздохнул. Их кумир становился все более бесстыдным.

Покосившись на часы, Су Юй взглянул на время. Было уже двенадцать часов десять минут. Подумав, он достал из холодильника говяжью грудинку, чтобы она разморозилась, и дал Тан Шаокэ лук, чтобы тот его почистил, а сам занялся готовкой.

Он помыл шанхайскую зелень, оставив только нежные сердцевинки, нарезал редис и другие овощи, достал из барной стойки красное вино и налил немного в миску.

Оглянувшись на Тан Шаокэ, он увидел, что тот, с глазами полными слез от лука, продолжал чистить его и напевал:

— Если бы я мог слой за слоем открыть твое сердце...

Су Юй вздохнул и сказал:

— Ладно, давай я сделаю это.

С раздражением он забрал лук, который уже был похож на поверхность луны, достал из холодильника кокос, вылил кокосовую воду и показал Тан Шаокэ, как счищать кокосовую мякоть.

— Будь осторожен, терка только что заточена, она очень острая.

Не забыв предупредить, он вернулся к своим делам.

Тан Шаокэ сам принес из гостиной маленький стул и, усердно работая теркой, начал напевать какую-то песню.

Неизвестно, на каком диалекте он пел, и мелодия была не совсем в такт, но в комнате вдруг стало как-то по-домашнему уютно. Су Юй впервые почувствовал, что здесь действительно стало похоже на дом.

Лук был уже весь в ямках, и Су Юй пришлось снять еще несколько слоев, прежде чем тонко нарезать его. Говядина немного разморозилась, и он удалил пленку с мяса, нарезал его на одинаковые куски, разложил на доске и стал отбивать толстым тупым краем ножа, пока мясо не стало равномерным.

Замариновав мясо в черном перце, устричном соусе и сахаре, он оставил его на время.

<http://bllate.org/book/16588/1515911>